Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Крепость Годлик в системе средневековых фортификационных сооружений на Черноморском побережье Большого Сочи

Б. Б. Овчинникова¹

Аннотация. Статья посвящена результатам полевых исследований на крепости Годлик, проводимых Лооской археологической экспедицией Уральского государственного университета в 1992–1996 гг. под руководством автора. Крепость входит в систему средневековых оборонительных сооружений, расположенных на северо-восточном побережье Черного моря, и находится вблизи современного пос. Лазаревское г. Сочи. Крепость является памятником повышенной исследовательской сложности, представляя развалины старого фортификационного сооружения, на территории которого культурный слой крепостного двора практически уничтожен.

Annotation. This article is devoted to results of field investigations at the fortress of 'Godlik' conducted by the Loo archaeological expedition of the Ural State University in 1992–1996. This fortress is part of the system of mediaeval defensive installations situated on the north-eastern coast of the Black Sea and is located near the modern urban settlement of Lazarevskoye in the city of Sochi. The fortress is a site highly complicated for investigations presenting the ruins of an old fortification where the cultural layer in the court of the fort is practically annihilated.

Ключевые слова: Средневековье, Большое Сочи, крепость Годлик, конструктивные особенности, артефакты, периоды функционирования.

Keywords: Middle Ages, Greater Sochi, fortress of 'Godlik', constructive features, artefacts, periods of functioning.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-406-421

От морского побережья до высокогорных альпийских лугов Большого Сочи время сохранило до наших дней остатки древних стоянок, селищ, дольменов, заброшенных замков, разрушенных храмов. К их числу относятся и развалины крепостей, очевидно, составлявших в эпоху Средневековья систему оборонительных сооружений на восточном побережье Чёрного моря. Крепости были вытянуты по линии современных городов Туапсе—Адлер, продолжаясь к северу в сторону горной долины р. Мзымта, включая в комплекс такие фортификационные сооружения в районе Красной Поляны, как крепости Монастырская, Бешенки, Монашки, Аибгинские, Ачипсинская,

Куницинские, Пслухская и др. (Федяков, 1997. С. 80–85) (рис. 1, А).

Наличие крепостей в прибрежном районе с характерной византийской техникой строительной кладки, а также присутствие памятников христианского зодчества, которые некогда возводились явно не без участия византийских мастеров, позволяют предположить, что, возможно, именно здесь проходила северо-восточная граница Византийской империи, закрывавшая фортификационными сооружениями проникновение варварских племен. В контексте изучения степени влияния Империи на отдаленную византийскую провинцию, ось Византия — Кавказ, позволяет наметить и путь византийского проникновения в глубь северокавказских территорий. В этом плане остаются нерешенными ряд исследовательских проблем, в частности, локализация самостоятельных христианских епархий на Кавказе и, конечно же, вопрос о местоположении загадочной Никописи.

¹ Профессор кафедры России, Департамент «Исторический факультет», Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет; пр. Ленина, д. 51. г. Екатеринбург, 620083, Россия; E-mail: bovchinnikova@mail.ru.

Поскольку в Восточное Причерноморье христианство проникает в первых веках нашей эры, то к VI в. здесь уже существовало несколько самостоятельных епархий. Принято считать, что на рубеже VII–VIII вв. центром одной из епархий Константинопольского патриархата был город Никопсия с кафедральным храмом в Зихии². Вместе с Боспорской и Херсонесской, эта епархия именовалась «Зихской». В списке епархий, составленном перед 787 г., Никопсийская и Севастопольская епархии названы «абазгскими» (История народов..., 1988. С. 137). Никопсия также упоминается в епископском списке, составленном в 807–815 гг., а также в другом списке первой половины IX в. (Там же). Письменные источники единодушно свидетельствуют в пользу того, что Никопсия располагалась в районе долины рек Псеуапсе–Шахе. Об этом же сообщается и в «Армянской географии» (VII в.). Положение Никопсии, по данным трактата «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1991), приблизительно соответствует району, на территории которого расположена крепость Годлик, о чем свидетельствует и ряд других источников (Горст, 1997. С. 72–79).

Крепость Годлик расположена как раз между долинами рек Псеуапсе и Шахе (рис. 1, А). Ее остатки находятся на побережье Черного моря, в устье реки Годлик, в трех километрах от п. Лазаревское (Большое Сочи), возле современного пос. Волконка³. Впервые об этом фортификационном

сооружении упоминал Ф. Дюбуа де Монпере (Дюбуа де Монпере, 1937). Сегодня крепость сохранилась в руинированном состоянии, остатки которой располагаются на возвышенности, завершающейся в юго-западной части обрывами к морю. На севере и северо-западе ее территория ограничена долиной реки Годлик (в настоящее время пересохшей), на востоке — глубоким ущельем. На момент исследования общая площадь крепости составляла около 2,5 га (Симиненко, Поздников, 1997. С. 117). В сохранившейся части периметра крепости расположены остатки фортификационных сооружений в виде башен, выступающих с внешней стороны за черту крепостных стен (рис. 1, Б. В). Исключение составляет башня VI — проходная, двухчастная, выступающая с двух сторон за черту стены — как с внешней, так и с внутренней ее части.

Крепость Годлик является памятником повышенной исследовательской сложности. Во-первых, средневековая история северного побережья Кавказа слабо освещена письменными источниками, к тому же еще мало изученными и требующими объективного анализа. Во-вторых, первые археологические раскопки на территории крепости в 1957 г. под руководством Н. В. Анфимова, хотя и обозначили план, размеры и конструктивные особенности сооружений, вместе с тем носили лишь эпизодический характер (Анфимов, 1957). Н. В. Анфимов успел вскрыть на крепости Годлик лишь западную часть самой большой двухчастной башни VI (обозначенной им как № 5) и частично зафиксировать ее конструктивное строение. Им также было замечено, что при строительстве крепости применялись традиционные для Византии технологические приемы: двухпанцирная кладка с забутовкой из камней и известкового раствора (Там же).

Археологические исследования крепости не могли быть продолжены вследствие того, что в конце 1950-х гг. на территории крепости дислоцировалась воинская часть. В дальнейшем все, что было связано с исследованием крепости, фиксировалось только на визуальном уровне. Так, в 1965 г. крепость посетил И. Б. Брашинский (Брашинский, 1966. С. 113–115). Более подробное освещение крепость получила в отчете Ю. Н. Воронова в 1969 г. при составлении им археологической карты Сочи и его окрестностей (Воронов, 1969. 36л.; 1979). В 1960–1980-е гг. древние стены крепости Годлик, используемые в качестве ограждения территории воинской части, постоянно

² Зихи — зиги (по-грузински — джики), древнее племенное объединение северо-западного Кавказа. Впервые названы Страбоном (I в. до н. э.). З. локализовались в приморских нагорных районах от современного Новороссийска до Гагры. Занимались земледелием, скотоводством и морским разбоем; были основными поставщиками рабов для боспорских городов. На рубеже VIII–IX вв. Зихия, возглавляемая вождями, была довольно значительной страной. Последнее упоминание З. относится к XV в. З. явились одним из основных компонентов в этногенезе абхазов и адыгского этнического массива народов северо-западного Кавказа. Лит.: Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа, в кн.: Сборник статей по истории Кабарды, в. 3. Нальчик, 1954. С. 193–207. БСЭ. Источник: [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/fc/slovar-199-28.htm> (дата обращения: 29.04.2020).

³ В период исследования отрядом УрГУ территория крепости находилась в ведении военного санатория «Чемитоквадже», директор В. В. Откидач.

Рис. 1. Средневековые крепости Северо-Западного Кавказа: А — план-схема расположения: 1 — Годлик, 2 — Лоо (храм-крепость), 3 — Мамай-Кале, 4 — Хостинская, 5 — Леснянская, 6 — Монастырская, 7 — Котел, 8 — Куницыно 1-3, 9 — Монашка 1-2, 10 — Аибга 1-2, 11 — Бешенка 1-2, 12 — Красная Поляна (Роза Хутор), 13 — Ачипсинская, 14 — Пслухская (а — крепость, б — храм-крепость); Б — план реконструкции крепости в устье реки Годлик (Симиненко В. И. Иллюстрация к обложке сборника научных статей (Археология, архитектура., 1997)); В — план-схема крепости Годлик (цифрами обозначены места башен)

Fig. 1. Theme diaeval fortresses of the North-Western Caucasus: A — scheme of the location of mediaeval fortresses of the North-Western Caucasus: 1 — Godlik, 2 — Loo (tempel-fortress), 3 — Mamay-Kale, 4 — Khostinskaya, 5 — Lesnyanskaya, 6 — Monastyrskaya, 7 — Kotel, 8 — Kunitsyno 1-3, 9 — Monashka 1-2, 10 — Aibga 1-2, 11 — Beshenka 1-2, 12 — Krasnaya Polyana (Roza Khutor), 13 — Achipsinskaya, 14 — Pslukhsкая (a — fortress, б — tempel-fortress); Б — plan of the reconstruction of the for tressin the mouth of the Godlik River (Siminenko V. I. Illustration for a collection of scientific articles. (Археология, архитектура., 1997)); В — schematic plan of the fortress of 'Godlik' (numbers indicate the places of the towers)

«подновлялись», что привело к их разрушению. В результате произведенных взрывных работ с целью подведения различных коммуникаций, подъездных дорог, строительства казарм и т. д. был почти полностью уничтожен культурный слой внутри «старого» крепостного двора.

В 1991 г. воинская часть была расформирована, и Управление культуры при Администрации г. Сочи приняло решение о проведении работ по благоустройству и изучению оставшейся части крепости. В этой связи данные работы было предложено осуществить Лооской археологической

экспедиции Уральского государственного университета (ИАЭ) под руководством автора⁴.

Крепость Годлик в научный оборот вошла как памятник не до конца понятый исследователями, о чем свидетельствуют рассуждения по вопросу его датировки. В процессе рекогносцировочных раскопок двухчастной башни VI Н. В. Анфимов пришел к заключению, что памятник относится к XIV–XV вв. (Анфимов, 1957). По мнению же Ю. Н. Воронова, данный оборонительный комплекс пережил два строительных периода: первый, V–VIII вв., он соотносит его с «крепостью Багу», ссылаясь на упоминания византийского историка Псевдо-Арриана. Второй период, XIV–XV вв., идентифицирует как генуэзскую постройку (Воронов, 1979. С. 80–81, 115). Заключения обоих исследователей до сих пор остаются приоритетными в современной историографии Кавказа. Однако каждое из них по-своему грешит схематизмом и традиционностью построений. Ни один из указанных авторов не задавался целью определить историческое место крепости Годлик в системе фортификационных сооружений северо-восточного побережья Кавказа. Однако, справедливости ради, отметим, что Ю. Н. Воронов включал ее в число одиннадцати крепостей, расположенных по линии Туапсе—Сочи. Но описание памятника было лишено раскрытия тех типологических особенностей, которые ему были присущи.

В 1992–1997 гг. на крепости, крайне изуродованной временем, проводившиеся исследовательские работы экспедицией УрГУ позволили вновь обратиться к исторической судьбе данного фортификационного объекта. После снятия мощных завалов современного мусора и расчистки сохранившихся участков стен и башен от зарослей, там, где предоставлялась возможность, по всему периметру оборонительного сооружения были

частично открыты нижние ряды кладки стен и фундаментов, а в некоторых местах – цоколи и подстилающие слои. Это позволило: осуществить новые обмеры крепости; провести частичную реставрацию внутренней части северо-восточной угловой башни III; а также заложить раскоп в западной части крепости за внутренней оборонительной стеной (рис. 1, Б, В).⁵ В результате появилась возможность уточнить хронологию функционирования крепости, ее конструктивные, строительно-технологические и композиционные особенности и внести определенные коррективы в сложившееся ранее представление о крепости Годлик.

На наш взгляд, особенности архитектурного облика и виды каменной кладки явно свидетельствуют о разновременном и весьма продолжительном функционировании крепости, скорее всего, на протяжении не менее десяти столетий. Однако это не является доказательством того, что данная территория не была заселена много веков назад. Об этом свидетельствуют случайные единичные находки в коллекциях местного населения, обнаруженные за пределами крепостных стен: кремневые наконечники стрел, шлифованный каменный топорик, датируемый первой половиной — серединой I тысячелетия до н. э. (Овчинникова, 2011. С. 124–125, табл. I–2). Что же касается непосредственно крепости, то весь период ее существования в истории памятника был отмечен как взлетом, так и падением, разрушением и восстановлением. При этом на отдельных хронологических этапах ее функционирования появлялись новые строительные технологии, которые использовались при восстановлении разрушенных стен и башен. В сооружении новых объектов, дополнявших архитектурный ансамбль крепости, также прослеживаются технологические приемы, связанные с этнической принадлежностью обитателей крепости. Все эти признаки присутствуют в фортификационных сооружениях не только крепости Годлик, но и тех крепостей, что вошли в систему оборонительного комплекса, вытянутого вдоль северо-восточного черноморского побережья, составляя «фортификационный пояс»

⁴ Лооская археологическая экспедиция УрГУ (Свердловск-Екатеринбург) начала свои полевые исследования в окрестностях г. Сочи с 1987 г. — по приглашению Управления культуры Краснодарского крайисполкома и Администрации города Сочи — на развалинах средневекового храма в пос. Лоо Лазаревского района, давшего название экспедиции (Овчинникова, 2010. С. 396–410). С 1992 г. работы были перенесены на крепость Годлик. Финансирование работ и решение организационных вопросов на крепости Годлик осуществлялись согласно договору при поддержке АО «Ямбурггаздобыча» и администрации санатория ВВС МО РФ «Чемитоквадже».

⁵ Обмерные и реставрационные работы проводились студентами УрГАХА и УрГУ под руководством проф. В. И. Симиненко. Полевые чертежи и рисунки выполнялись под руководством проф. Б. Б. Овчинниковой.

Большого Сочи (рис. 1, А). Заметим, что одним из характерных признаков, объединяющим, крепости Черноморского побережья, является выбор места в окружающей природно-ландшафтной среде для устройства оборонительного комплекса. Такой выбор не был случайным, он всегда отвечал определенным критериям, соответствующим фортификационным принципам воинской стратегии средневековой Византии. Известно, что он широко применялся и на территориях сфер ее влияния (*Бармина*, 1997. С. 49). Как правило, при выборе места максимально использовалась природная труднодоступность: возвышенность, холмы, утесы, скальные плато прибрежных мысов, имевших неприступные обрывы. При этом соблюдалась возможность свободного обзора окрестностей (*Всеобщая история архитектуры*, 1966. С. 8). Несмотря на значительное изменение современной топографии местности, градостроительный анализ на примере крепости Годлик в природном окружении показал зависимость пространственно-визуальных связей места возведения крепости на возвышенности у берега моря с характерными элементами ландшафта⁶. Следует отметить, что при строительстве железной дороги Адлер—Туапсе, в результате разбора скальных пород береговой полосы, утрачена не только южная часть крепости, но и важный участок естественного ландшафта, связывающий крепость с морем. Но, несмотря на значительные физические утраты и урбанизацию местности, крепость Годлик до сих пор сохранила свое доминирующее положение в окружающем ландшафте (*Симиненко, Поздникин*, 1997. С. 118–119).

Неполная картина современного состояния планировки крепости связана с активной трансформацией рельефа и береговой полосы. Причиной таких изменений были как природные тектонические явления, так и техногенное вмешательство. Еще раз заметим, что наиболее существенные нарушения со стороны моря произошли при строительстве железной дороги. Однако и уровень моря периодически менялся — предположительно, в конце I тыс. н. э. уровень моря в этом районе был значительно выше ныне

существующего (до 3–4 м). Архитекторы УрГАХА, применив метод интерполяции, смоделировали рельеф местности периода сооружения и функционирования крепости, отметили, что это был берег с выходящей в море на 200 м косой и лагуной, что создавало благоприятные условия для устройства порта — причаливания, разгрузки и укрытия судов (*Там же*) (рис. 1, Б).

Поскольку строительный объем каменной кладки крепости сохранился всего лишь на 40 %, в настоящее время сложно воссоздать первоначальный архитектурный облик крепостного сооружения. На уровне современной поверхности крепость просматривается в виде обозреваемых четырех участков стен и трех башен (рис. 1, В, башни III, VI, VII): северная стена длиной около 275 м; восточная стена — 65 м; юго-восточная стена — около 115 м; внутренняя оборонительная стена «цитадели» — около 58,5 м; северо-восточная угловая башня; северо-западная башня со сквозным проездом (двухчастная); южная полукруглая башня. Однако расчистка объекта по периметру позволила засвидетельствовать дополнительно еще четыре предполагаемых башни, остатки которых разрушены до фундамента и на современной поверхности не просматриваются (рис. 1, В). Согласно реконструкции, стало возможным определить высоту стен крепости и башен, соответственно 7,5–8,0 м и 10,0 м. По мнению архитекторов, они могли иметь боевые ходы и традиционные зубчатые завершения (*Симиненко, Поздникин*, 1997. С. 118–119).

Характерной особенностью технологии строительства крепости Годлик является разнообразная техника кладки крепостных стен: как куртин, так и башен. Предпочтение отдается римско-византийской традиции: двухпанцирная с внутренней забутовкой или, как говорят архитекторы, трехслойная конструкция «в корзинку». По мнению архитекторов, из двух византийских архитектурно-строительных школ, Сирийской и Константинопольской, данная крепость по технологии возведения больше тяготеет к Сирийской, унаследовавшей традиции античной архитектуры. В отличие от Константинопольской, где активно использовались кирпич и бетон в открытом виде, в Сирии и восточных провинциях империи преобладало строительство с применением тесаного камня (V–XV вв.) (*Там же*. С. 119–120).

Можно предположить, что, заимствуя технические приемы византийских мастеров, население,

⁶ Градостроительный анализ крепости Годлик проведен ведущими архитекторами Уральской государственной архитектурно-художественной академии (УрГАХА), профессорами В. И. Симиненко и В. М. Поздникиным.

учитывая местные условия, весьма активно стало использовать их в строительстве важнейших стратегических сооружений, в частности, вдоль перевалов транскавказского пути — через Красную поляну на Северный Кавказ.

В последовательности строительства крепости можно выделить несколько этапов. Вначале, очевидно, был возведен основной массив стен, обозначавший контуры крепости, о чем свидетельствует однородная структура кладки. Затем были построены сторожевые башни, строительство которых велось по всему периметру крепостных стен с протяженностью куртин 110–120 м. Вероятно позже в западной части крепости была возведена дополнительно внутренняя оборонительная стена, к западу от которой сохранилась часть территории с выходом в двухчастную башню VI. К югу с внешней стороны оборонительной стены примыкала полукруглая башня VII, а затем стена продолжалась до обрыва в море (рис. 1, В).

В результате исследований ЛАЭ УрГУ, по материалам, которые удалось зафиксировать в ходе наших работ, появилась возможность попытаться воссоздать хронологию функционирования крепости Годлик. Судя по обнаруженным на территории крепости многочисленным фрагментам керамики (рис. 2, 8–14), *первый* период ее существования можно отнести к VII–X вв. Из общего количества выборки фрагментов (3994 — 100 %) выделяются две основные группы — тарная (89 %) и бытовая (11 %). Среди них встречаются различные виды сосудов. Самая многочисленная часть керамического комплекса тарной посуды представлена *пифосами* — 83 % (рис. 2, 8–11). Лишь в единичных экземплярах — *амфоры*, 6 % (рис. 2, 12). (Иванова, 1997. С. 58–68). К бытовой группе относятся *горшки*, *миски*, *кувшины* (рис. 2, 13). Присутствие среди керамических фрагментов «хазарской» посуды позволило предположить, что жизнь на территории крепости Годлик протекала при достаточно тесном контакте местного населения с носителями Хазарского каганата, при их лидирующей роли на исторической арене в данную эпоху.

Из вещевого комплекса, в основном, присутствуют артефакты случайного происхождения. Так, при расчистке внешней стороны восточной стены был найден керамический кувшинчик «ойнахоя» (рис. 2, 14). Аналогичные ему известны для VII–VIII вв. в Крыму — в Херсонесе (Античная культура..., 1995. С. 137), на Баклинском городище (Романчук, Рудаков, 1975. С. 218), на Таврике

(Якобсон, 1979. С. 31). На территории крепости возле южной стены при строительстве современного объекта (летнего кинотеатра) был обнаружен железный наконечник копья плохой сохранности. Общая длина 51 см (рис. 2, 7). Аналогичное по форме копьё встречено в окрестностях Сочи и датировано Ю. Н. Вороновым VIII–X вв. (Воронов, 1979. С. 97, рис. 52–54). В личной коллекции Н. Н. Заборского — жителя из пос. Лазаревское — находится монета, которую он обнаружил в развале у восточной стены рядом с угловой северо-восточной башней III (рис. 2, 1). Изображения с двух сторон напоминают византийскую монету — солид из Келегейского комплекса эпохи Юстиниана I (545–565 гг.) (Семенов, 1991. С. 130, рис. 1, 1). Однако при внимательном просмотре видны некоторые отличия в деталях надписей и изображении. На наш взгляд, данная монета может быть отнесена к более позднему периоду — правления Тиберия Маврикийского (VII в. н. э.). Таким образом, вышеупомянутые артефакты явно свидетельствуют о функционировании крепости в период VII–X вв.

Что же до конструктивных особенностей оборонительных стен крепости, то для данного периода характерны элементы традиционности. При археологических работах в северной части восточной стены (рис. 3, 1), которая составляет монолит с внутренней стеной пристроенной угловой башни III, был обнаружен проем шириной 185 см с арочным завершением, усиленный панцирной обкладкой с двух сторон (рис. 3, 5). С внутренней стороны четко прослеживались контуры сооружения, примыкающие к стене, шириной около 5 м и глубиной 4 м. Возможно, до пристройки башни III, в этом месте располагался главный въезд на территорию крепости (рис. 3, 5; 4, 1). Поскольку это самая высокая часть возвышенности, то в древности выход с территории крепости располагался со стороны внутренней части побережья, что означало тесный контакт крепости с местной округой.

Но прошло время, и появилась необходимость в сооружении угловой северо-восточной башни III (а может быть, ее замены или надстройки) (рис. 4, 1, 3; 5). И строители, сохраняя византийские традиции в технике сооружения, используют уже новые элементы: в панцирной кладке появляются сейсмоустойчивые выравнивающие ряды панциря из плинф, так называемая кладка с выравнивающими «горизонтально» каменными поясами (рис. 5, 1). Такие местные архитектурно-

технологические формы встречаются в этом регионе и в других крепостях, и в более позднее время: Хостинская, Бешенка-2 и др.

На наш взгляд, подновления в строительстве угловой башни III относятся уже к более позднему времени — не ранее конца XIII — начала XIV в., с возобновлением активного функционирования крепости. Этот второй период жизнедеятельности крепости Годлик, именуемый исследователями как «генуэзский» (Анфимов, 1957; Воронов, 1979. С. 80), очевидно, соответствует реалиям данного региона. Именно в этот период, XIII–XV вв., прослеживаются конструктивные изменения крепостных сооружений в прибрежной части северо-восточного Черноморья. На крепости Годлик они фиксируются в конструктивных особенностях башни III, ставших очевидными только после расчистки сохранившихся фрагментов башни. Южная стена имеет лучшую сохранность по сравнению с другими стенами башни. Однако фасад стены раскрыт на неполную высоту и составляет 4,0 м от современной поверхности, длиной в 8,5 м. Высота раскрытой части с внутренней стороны южной стены составила 6,2 м, длина — 6,3 м. Толщина южной стены — 2,0–2,2 м (рис. 5, 1, 2). Кроме изменений в технике кладки интерес представляют и конструктивно-конструктивные особенности башни. Расчисткой была выявлена внутренняя (средняя) стена (рис. 4, 3; 5, 6), разделяющая башню на два помещения: «северное» и «южное». В «северном» помещении выявлено наличие столба, примыкающего к внутренней стене (рис. 3, 4; 4, 3). Кроме того, с запада были открыты внутренний вход со стороны крепостного двора, а также остатки пристройки с южной стороны входа. Судя по сохранившимся стенам и характеру каменной кладки, архитекторами было высказано предположение об этажности башни III в два яруса (Симиненко, Поздников, 1997. С. 118–120).

Не совсем обычна строительная конструкция в «южном» помещении — в виде так называемого «каменного мешка», представляющего собой замкнутое пространство между внутренней и южной отвесными стенами башни (рис. 3, 2, 3; 4, 3).

Вероятно, такое помещение могло выступать в роли тайника. В момент функционирования крепости догадаться о нем было практически невозможно, поскольку при входе в крепость внутренняя стена башни воспринималась как наружная. К тому же, как показала разборка каменных завалов внутри «каменного мешка», на момент расчистки отвесные стены сохранились уже на высоту более 6 м. Без каких-либо дополнительных приспособлений спуск в «тайник» невозможен. Само помещение имеет трапециевидную форму в плане размером 6,3 м (запад–восток) × 2,5 м (у западной стены башни) и 1,5 м (у восточной стены башни). Возможно, функциональное назначение данного помещения в виде глухой камеры можно рассматривать как место либо наказания, либо укрытия людей. В качестве примера напомним, что в 1468 г. свергнутый хан Нур-Девлет нашел убежище в Зихии. Опираясь на поддержку зихов, он продолжил борьбу за престол, но потерпел неудачу. В 1471 г. хан был вынужден просить помощи у генуэзцев, «но те бросили его в одну из башен кафинской цитадели» (Зевакин, Пенчко, 1938. С. 92). Вероятно, при строительстве башен генуэзцы предусматривали такие «тайники» для наказания, и не только... Предположим, что «тайник» могли использовать и как место укрытия пленников, предназначенных для угона в рабство, и как место укрытия наемников, в целях оказания посреднических услуг. Известно, что из наиболее значимых аспектов генуэзского присутствия в Зихии являлась работоторговля, а также посредничество при отправке солдат в армию мамлюкского султаната. Считается, что вывоз рабов из Северного Причерноморья и Черкесии в Египет во второй половине XIII в., в эпоху поздних Айюбидов (Аййубиды, араб.) приобрел широкий размах (Там же). Не исключено, что «каменный мешок» башни III мог служить и для этих целей.

Привлекает внимание еще одна особенность конструкции башни III. В северном помещении, с северной стороны внутренней стены, составляющей общую стену с «каменным мешком», некогда вплотную примыкал каменный столб (рис. 3, 3, 4; 4,

Рис. 2. Крепость Годлик. Случайные находки: 1 — монета; 2 — поделка; 3, 4 — наконечники стрел; 5 — ножницы; 6 — пряслице; 7 — наконечник копья; 8–11 — фрагменты пифосов; 12, 13 — фрагменты амфоры и горшка; 14 — ойнохойя. 1 — сплав; 2, 3–5, 7 — железо; 6, 8–14 — керамика. Масштаб: а — для 1, б — для 2–7, 9–14, в — для 8

Fig. 2. Fortress of 'Godlik'. Chance finds: 1 — coin; 2 — article; 3, 4 — arrowheads; 5 — scissors; 6 — spindle whorl; 7 — spear-head; 8–11 — fragmentary pithoi; 12, 13 — fragments of an amphora and a pot; 14 — oinochoe. 1 — alloy; 2, 3–5, 7 — iron; 6, 8–14 — ceramic. Scale: a — for 1, b — for 2–7, 9–14, v — for 8

Рис. 3. Крепость Годлик: 1 — фрагмент северной части восточной стены со стыковкой южной стены башни III, вид с юго-востока после расчистки; 2 — башня III, южная часть, «каменный мешок», вид с востока, сверху; 3 — башня III, северная часть башни в процессе вскрытия, столб возле поперечной стены до реставрации, вид с севера; 4 — башня III, северная часть башни после расчистки, столб возле поперечной стены после реставрации (столб в каркасе), вид с северо-востока; 5 — башня III, фрагмент северной части восточной стены возле башни III с внешней стороны, арочное перекрытие въездных ворот, до расчистки; 6 — полукруглая башня VII, фасад, вид с юга

3; 5, 6). Расчисткой удалось выявить, что столб сечением $1,7 \times 1,7$ м, сильно наклонен к северу. Угол наклона столба на момент раскопок был весьма существенным — 70° (рис. 3, 3). Своей северной гранью он лежал на развале строительного мусора. Под руководством архитектора В. И. Симиенко было произведено выравнивание столба с возвращением ему положения *in situ*: столб был прижат вплотную к стене (рис. 3, 4; 4, 3). Во избежание его разрушения верхняя площадка была залита раствором, а само тулово столба заключено в железный каркас (рис. 3, 4).

Кладка столба выполнена в принятой технике исполнения с облицовочным и забутовочным слоями. Однако поверхность столба, обращенная к внутренней стене, осталась необлицованной. Столб сохранился на высоту 3,5 м. Нижние ряды лицевой кладки, за исключением южной его грани, опоясаны пожарным слоем толщиной 0,3 м, составляя единую линию со стенами всех помещений северо-восточной башни (рис. 5, 4, 6). С западной стороны столба в северном углу обнаружен раздавленный сосуд со следами пожара. По мнению архитекторов, сохранившаяся часть столба могла служить наблюдательной сигнальной площадкой башни высотой около 7 м (Симиенко, Поздников, 1997. С. 124–125, рис. 6, 1) (рис. 4, 1).

К этому же периоду можно отнести и конструктивные особенности западной части крепости, расположенной внутри крепостного двора, ближе к береговой линии. Именно здесь внутренняя линия обороны отделяет ее от основной крепости выстроенной дополнительной стеной, которая имеет связку в переплет с основной стеной (рис. 1, В; 4, 2). За этой оборонительной стеной сохранилась часть небольшой территории двора. Фасадная часть стены, обращенная на северо-восток, выполнена облицовочными хорошо обработанными квадратами ($40 \times 40 \times 20$ см или $25 \times 30 \times 20$ см). В местах, где облицовка обвалилась, обнажилась забутовка, положенная слоями из наклонных и плоских булыжников, которые порой сходятся на «елочку». Встречены ряды

с наклоном в одну сторону в один ряд. Причем примечательно то, что ряды облицовки совпадают с внутренними рядами наклонных булыжников. Толщина этой стены — до 2,5 м. Данное состояние стены полностью совпадает с описанием Ю. Н. Воронова (Воронов, 1969). В такой кладке явно прослеживаются строительные приемы, нехарактерные для местных сооружений. Принцип кладки «в елочку» хорошо известен в генуэзской технике строения, что не раз отмечалось ранее исследователями (Анфимов, 1957; Воронов, 1979. С. 80). Кроме того, дополнительная стена завершалась полукруглой башней VII (рис. 1, В; 3, 6; 4, 2), ныне находящейся в развалинах. В реконструкции она напоминает башню крымской крепости в Каффе. Сооружение подобных башен также приписывается генуэзским строителям.

Хотелось бы обратить внимание и на наличие дополнительной пристройки с наружной стороны стены цитадели, выявленной нами при расчистке. Такая конструкция типична для местной традиции строительства: она может служить контрфорсом, укрепляющим стены в месте стыковки основной стены крепости со стеной цитадели (рис. 4, 2). Вероятно, это был наиболее опасный оползневой участок. Кроме того, такое конструктивное сооружение могло выполнять и функции боевой площадки. Прямоугольные контрфорсы, обращенные к морю, были характерны для крепостей данного региона, уходящих в горы долины р. Мзымта (Монашка-2, Ачипсинская и др.).

Что же касается вещевого комплекса, то свидетельством функционирования крепости Годлик в «генуэзский» период является преимущественное наличие такого вида посуды, как пифосы, что позволяет судить о торговой направленности в хозяйственной деятельности ее обитателей. Отметим следующий факт: к югу от дополнительной стены на территории внутреннего двора цитадели около контрфорса был заложен раскоп. Мощность культурного слоя составляла 0,75–0,80 м. Юго-западная граница раскопа примыкала к стене двухчастной башни VI. Заметим, что эта башня имела сквозной проезд с внутренней стороны

Fig. 3 Fortress of 'Godlik': 1 — fragment of the northern section of the eastern wall with the joint with the southern wall of tower III, view from south-east after clearing; 2 — tower III, southern section, 'stone bag', view from east and above; 3 — tower III, northern part of the tower in the process of uncovering, pillar near the transversal wall before the restoration, view from north; 4 — tower III, the northern part of the tower after clearing, pillar near the transversal wall after the restoration (pillar within the structure), view from north-east; 5 — tower III, fragment of the northern part of the wall near tower III on the outside, compass roof over the entrance gate, before clearing; 6 — semicircular tower VII, façade, view from south

крепостного двора на внешнюю береговую линию реки Годлик (рис. 4, 2, 4). Благодаря рекогносцировочным исследованиям внутреннего двора цитадели на площади 36 кв. м. нами были обнаружены семь развалов однотипных пифосов, вкопанных в материковые слои на разную глубину на расстоянии 1,5 м друг от друга. Все сосуды имели каменную обкладку вокруг тулова, которая могла служить не только креплением для установки пифоса, но и естественным холодильником. Аналогичные пифосы относятся к периоду XIII–XIV вв. Скорее всего, такие сосуды предназначались для хранения привозимого зерна. Вероятно, здесь же производилась и его обработка, поскольку при раскопках были обнаружены фрагменты и целые жернова, а также остатки хлебной печи-тандыр.

На наш взгляд, все вышеприведенные данные подтверждают особое значение данного региона в период наиболее активного функционирования крепости Годлик в системе международных отношений черноморской акватории в XIII–XV вв. Обусловлено это было весьма существенными обстоятельствами: Зихия, на территории которой тогда находилась крепость Годлик, являлась одним из основных поставщиков зерна в Византийскую империю начиная с 1071 г., после поражения у Манцикерта, когда Константинополь лишился всех основных сельскохозяйственных районов Анатолии, занятых сельджуками (Зевакин, Пенчко, 1938. С. 98). С этого времени ввоз зерна из Зихии стал жизненно необходимым для византийских городов Южного Причерноморья. Поэтому одной из главных житниц, кормивших Трапезунд и Константинополь, стала Зихия (Хотко, 2001. С. 10). Начиная с 1266 г. торговлю зихским хлебом монополизировали итальянские купцы, вытеснив с рынка греческих поставщиков. Именно при итальянцах торговля зерном в Черноморье приобрела особый размах. Венецианский экспорт зерна из Зихии зафиксирован уже с 1265 г., после того как Республика Святого Марка получила доступ в Чёрное море. В отдельные годы 10–15 % всего хлеба, потребляемого Генуей, привозили из Зихии (Информационно-аналитический вестник..., 1999. С. 32). Большинство специалистов по этой проблеме склоняются к тому, что в XIV–XV вв. именно торговля зихским хлебом была главной составляющей генуэзских интересов в Черноморском регионе. Все эти данные могут свидетельствовать в пользу принадлежности крепости Годлик к торговой фактории, активно действующей в период XIII–XV вв.

Следующий период функционирования крепости — вторая половина XV — XVI в. — фиксируется присутствием на ее территории таких артефактов, как фрагменты керамики данного периода, а также обнаруженные возле юго-западной стены чугунные ядра. Заметим, что при раскопках на территории внутреннего двора цитадели, кроме развалов пифосов и фрагментов керамики, были обнаружены «клад» свинцовых грузил (?) и наконечники стрел (рис. 2, 3, 4). В силу плохой сохранности два наконечника не удалось интерпретировать, но два других представляют интерес. Один из них — крупный ромбический в сечении наконечник стрелы — характерен для эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.) на территориях Центрального и Северного Кавказа, Предкавказья и Прикубанья (Мужухоев, 1989. С. 26–27). Второй наконечник с удлинённо ромбической в сечении боевой частью появляется на Северном Кавказе уже в XIII в., но наибольшее распространение получает в более поздний период, сохраняясь вплоть до XVII в. (Там же).

Все это свидетельствует о том, что забвение крепости происходило постепенно: ее многонациональное население неуклонно покидало крепостной двор, чему способствовало и вмешательство османов. Походы турков в Зихию (Черкесию), последовавшие после падения Каффы (1457 г.), предпринимались не столько для аннексии западнокавказских территорий, сколько для разрушения генуэзских факторий (Там же). Вероятно, в их число попала и крепость Годлик.

Таким образом, материалы, полученные Лооской археологической экспедицией Уральского университета при исследовании крепости Годлик, дают основание, базирующееся на выявленных артефактах и технологии строительства крепостных сооружений, наметить историю ее бытования, выделив, на наш взгляд, три хронологических периода. Первый, «византийско-хазарский», — VII–X вв. В конструктивных особенностях крепости в этот период отмечается наличие двухпанцирной системы кладки с внутренней забутовкой, являющейся свидетельством существования византийской традиции в строительстве фортификационных сооружений на данной территории. Среди вещественного материала в преобладающем количестве выделяются артефакты, датируемые VII–IX вв. Полученные материалы в процессе раскопок Лооской экспедицией УрГУ вряд ли позволяют нам согласиться с мнением

Рис. 4. Крепость Годлик: 1 — башня III, реконструкция, восточный фасад (Симиненко, Поздникин, 1997. С. 125, рис. 6, 1); 2 — «цитадель», план-схема в реконструкции Р. Соколова; 3 — башня III, план башни после реставрации — выравнивание столба возле поперечной стены; 4 — двухчастная башня VI, план

Fig. 4. Fortress of 'Godlik': 1 — tower III, reconstruction, eastern façade (Симиненко, Поздникин, 1997. P. 125, fig. 6, 1); 2 — "citadel", schematic plan according to the reconstruction by R. Sokolov; 3 — tower III, plan of the tower after restoration — straightening of the pillar near the transversal wall; 4 — two-part tower VI, plan

Ю. Н. Воронова о строительстве крепости в устье реки Годлик с V в. н. э. (Воронов, 1979. С. 81). На наш взгляд, присутствие «хазарской» посуды на территории крепости Годлик убеждает в том, что наиболее активное функционирование крепости проходило в контакте местного населения с племенами Хазарского каганата при их лидирующей роли на данной территории в VIII–IX вв. Напомним и о проблеме хазаро-арабских торговых и политических отношений, вращавшихся в это время вокруг Кавказа и Закавказья. Как известно, хазары держали свои заставы в Крыму, на Тамани, и не исключено, что таковые были и на Северо-

Западном Кавказе. Учитывая союзничество Хазарии с Византией против арабов, можно предположить, что это могло привести к более интенсивному процессу строительства крепостных сооружений на территории всей Черноморской Понтики с целью укрепления позиций. Именно такой процесс отмечается с IX в. Это не могло ни сказаться на строительных особенностях фортификационных сооружений по образцу Византии в ее провинциях с учетом местных традиций. Если в V–VIII вв. в системе оборонительного лимеса создавались крепости двух видов — крепости-замки и крепости дозорно-сторожевые, то

Рис. 5. Крепость Годлик. Башня III: 1 — фасад южной стены; 2 — южная стена, вид с севера; 3 — фасад восточной стены; 4 — восточная стена, вид с запада; 5 — северная стена, вид с юга; 6 — поперечная стена внутри башни, вид с севера

Fig. 5. Fortress of 'Godlik'. Tower III: 1 — façade of the southern wall; 2 — southern wall, view from north; 3 — façade of the eastern wall; 4 — eastern wall, view from west; 5 — northern wall, view from south; 6 — transversal wall inside the tower, view from north

с IX в. появляются крепости, являющиеся *опорно-стратегическими* пунктами (Бармина, 1997. С. 51). Именно крепости стратегического значения предназначались для защиты важных горных перевалов и служили убежищем для населения в случае вторжения неприятеля. Они занимали определенное место в системе фортификации Северного Причерноморья. Месторасположение крепости в устье реки Годлик может свидетельствовать о том, что она являлась приморским оборонительным сооружением стратегического значения, включенным в систему фортификации, охранявшей земли, вероятнее всего, от возможного нападения с моря.

Следующий период — вторая половина XIII — первая половина XV в., именуется «*генуэзским*». При этом, по нашим наблюдениям, наиболее активное время жизнедеятельности на крепости относится к XIV — началу XV в.

Вещевой комплекс весьма выразителен в находках достаточного количества пифосов, датированных этим временем. Происходят конструктивные изменения в закладке стен, что отразилось в достройке башни III, а также в строительстве дополнительной оборонительной стены. Принцип кладки стены цитадели в «елочку», как отмечалось выше, присущ генуэзской технике строения.

Особенности фортификационных сооружений кавказского побережья и черты их схожести позволяют говорить о едином комплексе укрепленных торговых поселений в этот период по всей линии Черноморского побережья. В современном понимании средневековой ситуации Северного Причерноморья генуэзские территории занимали прибрежную территорию от Крыма до современной Абхазии, включая Краснодарский край, в том числе и регион Большого Сочи. С уверенностью можно утверждать, что регион в «генуэзский период» превратился в крупнейший торгово-экономический центр на побережье Чёрного моря. Он располагался на стыке крупнейших торговых путей из Азии в Европу, крепости превратились в опорно-стратегические пункты, служившие одновременно и защитой важных перевалов на торговом пути, и центрами внутренней и международной торговли. И это неслучайно, с момента основания генуэзцами в 1266 г. своего основного торгового поселения в урочище Каффа (Caffa) в Крыму (Мурзакевич, 1837) сразу же были обозначены и торговые партнеры на сопредельных территориях. Одним из первых и главных

среди них стала Зихия (Zichia) (Хотко, 2001. С. 15). На территории между Таной (Азов) и Себа-стополем (Сухум) в XIII–XV вв. насчитывалось 39 торговых поселений генуэзцев (Там же). Все они в большинстве случаев выглядели как кварталы приморских зихских (черкесских) городов. Генуэзцы расселялись вдоль северного побережья Чёрного моря исключительно с согласия местных князей или вождей, их торговые поселения платили дань зихским предводителям. Одним из таких торговых центров к XIV в. могла стать и крепость Годлик, интенсивность участия которой в местных событиях сохранялась до конца XV в., то есть до тех пор, пока османы полностью не разорили Каффу, конфисковав все товары, корабли и прочее имущество (Там же. С. 94). Падение Каффы (1475 г.) означало конец генуэзскому пребыванию и в Причерноморье. Вслед за захватом и разорением Каффы летом и осенью 1475 г. османы предприняли атаку на Черкесию, на Кавказ.

Третий период — «*османский*» — следует отнести к концу XV — XVI в. Отличительной чертой в технологии строительства крепости становится возврат к византийской форме кладки, но с некоторыми изменениями: традиционная византийская форма с выравнивающими «горизонт» каменными поясами применялась строителями с учетом местных условий. Все чаще в культурных слоях данного памятника встречается керамика и артефакты, датированные XVI — началом XVII в. Именно к этому периоду исследователи относят проникновение Османской порты и ее вассалов на Северо-Западный Кавказ. Эти земли издавна привлекали крупные державы, граничившие с ним. Если добавить к этому самостоятельные агрессивные действия крымских ханов, то можно понять, что османская экспансия на Северо-Западный Кавказ была неизбежна. Другим стимулом турок для закрепления на Кавказском побережье, помимо стратегического интереса, стала работоторговля. Турецкими опорными пунктами на северном побережье Чёрного моря стали Гагры, Суджук, Анапа, Темрюк. И именно Анапа контролировала все побережье Северо-Западного Кавказа, специализируясь на работоторговле. Позже опорные пункты работоторговли превращаются в военные крепости с небольшими, но постоянными гарнизонами (Очерки истории Адыгеи..., 1957).

Приход османов приводит к постепенному оттоку населения из крепости Годлик, и в первую очередь с территории крепостного двора.

Как следствие, оборонительные стены и башни крепости Годлик превращаются в руины.

Наши предположения хотя и высказаны на основе анализа совокупности исследовательских материалов, как археологических, так и архитектурных реконструкций, а также с привлечением письменных источников, носят предварительный характер. Для подтверждения нашей гипотезы необходимы исследования на всем комплексе фортификационных сооружений северо-восточного Черноморского

побережья. Но очевидно одно: наличие крепостных укреплений в данном регионе с характерной византийской кладкой и более поздними генуэзскими перестройками, а также присутствие культовых памятников христианского зодчества дают основание предполагать, что именно этот район — прибрежная полоса Северо-Западного Кавказа — являлся своеобразным пограничьем политического и культурного взаимодействия мира цивилизаций с многоэтническим населением Северного Кавказа.

Античная культура..., 1995 — Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В. Н. Ярхо. М.: Высшая школа, 1995. 383 с.

Анфимов, 1957 — Анфимов Н. В. Отчет об археологических исследованиях в 1957 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1675.

Археология, архитектура..., 1997 — Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа: Материалы конф., посв. итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987–1997). Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. 156 с.

Бармина, 1997 — Бармина Н. И. К вопросу об особенностях крепости Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 69–72.

Брашинский, 1965 — Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья // АО 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 113–115.

Воронов, 1969 — Воронов Ю. Н. Отчет об археологических разведках, произведенных в районе г. Сочи в 1969 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 4055. 36 л.

Воронов, 1979 — Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Кн. изд-во, 1979. 125 с.

Всеобщая история архитектуры, 1966 — Всеобщая история архитектуры. Л.; М.: Изд-во Стройиздат, 1966. Т. 3: Средние века. 687с.

Горст, 1997 — Горст А. П. Еще раз о Никописи // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 72–79.

Дюбуа де Монпере, 1937 — Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми: Изд-во АБГИЗ, 1937. Т. 1. 180 с.

Зевакин, Пенчко, 1938 — Зевакин Е., Пенчко Н. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII–XV вв. // Исторические записки. М.: Наука, 1938. № 3. С. 72–129.

Иванова, 1997 — Иванова С. Н. Керамический комплекс крепости Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа... Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 58–68.

Информационно-аналитический вестник..., 1999 — Информационно-аналитический вестник. История. Этнография. Археология. Майкоп: Изд-во Адыг. респ. ин-та гуманитар. исслед. отд. истории, 1999. Вып. 1. 151 с.

История народов..., 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 545 с.

Константин Багрянородный, 1991 — Константин Багрянородный. Об управлении империей: [Греч.] текст, пер., коммент. / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991 (Древнейшие источники по истории народов СССР). 496 с.

Мужухоев, 1989 — Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. полигр. об-ние «Книга», 1989. 220 с.

Мурзакевич, 1837 — Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Изд-во Городская типография, 1837. 116 с.

Овчинникова, 2010 — Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 396–410.

Овчинникова, 2011 — Овчинникова Б. Б. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки: Сб. науч. статей. Ростов н/Д.: Изд-во «Донское археологическое общество», 2011. С. 124–138.

- Очерки истории Адыгеи, 1957 — Очерки истории Адыгеи: в 2 т. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. Т. 1. 484 с.
- Романчук, Рудаков, 1975 — Романчук А. И., Рудаков В. Е. Керамический комплекс Баклинского городища // СА. 1975. № 2. С. 217–223.
- Семенов, 1991 — Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник. Л.: Искусство. Лен. отд., 1991. Вып. 31. С. 121–130.
- Симиненко, Поздников, 1997 — Симиненко В. И., Поздников В. М. Градостроительная реставрация старой крепости вблизи п. Лазаревское г. Сочи (авторская реконструкция) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 116–130.
- Федяков, 1997 — Федяков С. В. Материалы археологической разведки на территории современного Большого Сочи // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 80–85.
- Хотко, 2001 — Хотко С. Генуэзцы в Черкессии (1266–1475). Майкоп, 2001. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=6465&attempt=1> (дата обращения: 01.03.2019).
- Якобсон, 1979 — Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, Лен. отд., 1979. 164 с.

Fortress of ‘Godlik’ in the system of mediaeval fortifications on the Black Sea coast of Greater Sochi

B. B. Ovchinnikova

The investigation of the fortress at the mouth of the Godlik River in the Lazorevskoye District of the city of Sochi has enabled the researchers to identify its main features which indicate that it had functioned very long, practically, more than ten centuries. The peculiarities of the construction of the fortress are characterized by the features of the masonry of the defensive walls, whereas during all the chronological periods of the construction, the Roman-Byzantine building tradition (double-armoured with internal backfill) was followed.

On the basis of the abovementioned evidence, with consideration of the artefacts recovered, it became possible to trace the history of the use of the fortress of ‘Godlik’ distinguishing three periods in it. The first period, ‘Byzantine-Khazarian’, is dated to the 7th–10th century while the 9th century seems the most active one. The next period is the second half of the 13th — first half of the 15th century. It is named the ‘Genoese’ time and comprises the 14th — early 15th century as the most active occupation. During that period, the fortress functioned as a trade outpost. The third — ‘Ottoman’ period — is dated to a later time, i.e. the late 15th–16th century. A distinctive feature of the technology of the construction of the fortress became that of the return to the Byzantine type of masonry but with slight alterations. Slave trade became one of the stimuli of the Turks in addition to the strategic interests for their securing of the Caucasian Coast. Later strong points of the slave trade became military fortresses with small but constant garrisons. The coming of the Ottomans led to a gradual outflow of the population from the fortress of Godlik and, primarily, from the territory of the fortress courtyard. The result was that the defensive walls and towers of the fortress of Godlik became ruins.